УДК 343 **А.В. Боярская**

DOI 10.17223/23088451/7/4

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ СТОРОН ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА (ГЛАВА 40 УПК РФ) И ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НЕГО ПРОЦЕДУРАХ

Статья посвящена изучению реализации принципа состязательности в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России. Автором делается вывод, что, стремясь к состязательности в ее абсолютном выражении, упрощенные производства в крайнем выражении демонстрируют также действие принципа публичности. В рамках стороны обвинения присутствуют внутренние противоречия, предполагающие недостаточный учет интересов потерпевшего, а в определенных случаях и общества в целом.

Ключевые слова: принцип состязательности, особый порядок принятия судебного решения, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенное дознание.

Данная статья посвящена изучению реализации принципа состязательности в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России, таких, как особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40 УПК РФ, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и упрощенная процедура, предусмотренная ст. 226.9 УПК РФ.

Указанные судебные производства могут быть исследованы с различных позиций. Начиная свое рассуждение, обозначим ряд базовых положений, через призму которых будем рассматривать заявленный предмет изучения. Прежде всего, укажем, что в качестве эффективной объяснительной модели в данном случае можно использовать конструкцию уголовного иска, понимаемого как предъявляемый по поводу и в связи с предполагаемым преступлением правопритязательный акт, сущность которого состоит в требовании публичного обвинителя к суду о признании конкретного лица виновным в совершении преступления и о пределах наказания, которое вправе применить к нему государство [1, с. 99]. Предметом уголовного иска можно считать «утверждение» о виновности обвиняемого в совершении преступления, сопровождаемое требованием применить уголовный закон к лицу, признанному виновным в совершении преступления [2, с. 28-29], а в качестве основания рассматривать доказательства, которыми истец стремится обосновать свое утверждение [2, с. 30; 3, с. 43-52;].

Также привлечем категорию «правомерного посткриминального поведения», которое, вслед за профессором Р.А. Сабитовым, рассматриваем как социально значимое поведение, не противоречащее уголовному праву и являющееся общественно полезным, желательным с точки зрения интересов общества и государства. Такое поведение можно назвать посткриминальным поступком [4, с. 14]. Тем самым мы придаем данному исследованию междисциплинарный характер.

Говоря же о принципе состязательности, хотелось бы сосредоточить внимание на таких его компонентах, как процессуальное равноправие сторон

обвинения и защиты и разбирательство дела путем полемики сторон перед независимым и беспристрастным судом, выделяемых таким автором, как профессор И.Л. Петрухин [5, с. 72].

Итак, специфика особого порядка принятия судебного решения заключается в том, что из-за согласия обвиняемого с предъявленным обвинением исчезает предмет спора между сторонами, что делает излишним полновесное судебное разбирательство.

Сторонниками концепции уголовного иска нередко также указывается, что в данном случае имеет место признание стороной защиты уголовного иска и происходит разрешение обусловленного совершением преступления социального конфликта за счет достижения компромисса и сопутствующего ему осуществления обвиняемым общественно полезных действий [6, с. 39].

Однако последний момент может вызывать сомнения. Ведь сторон в рамках принципа состязательности выделено две: обвинения и защиты, тогда как сторон социального конфликта значительно больше. Так, социальная справедливость, которая является целью наказания в уголовном праве, и должна достигаться вне зависимости от формы уголовного судопроизводства, по верному указанию М.Н. Становского, характеризуется четырьмя аспектами: выражающими интересы лица, совершившего преступление, потерпевшего, общества и государства [7, с. 18]. Интересы трех последних субъектов объединяются в рамках процессуальной стороны обвинения, хотя они не всегда могут совпадать. А это, в свою очередь, закономерно порождает определенные внутренние противоречия.

В Постановлении Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК Российской Федерации» [8], а также определении Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 г. № 114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями ст. 6 Уго-

22 А.В. Боярская

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации» указывается, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда — они также связаны с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания. Указанными судебными актами был задан четкий и, безусловно, правильный стандарт прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве, учитывающий одновременно его специфику как субъекта, осуществляющего дополнительное обвинение [9].

Однако, насколько он реализуем в рамках упрощенных процедур?

Так, при применении особого порядка принятия судебного решения процесс доказывания, регламентированный гл. 11 УПК РФ, может не осуществляться, что обусловлено целями данной процессуальной формы. Как указывает в данной связи Конституционный Суд РФ в определении 17.07.2007 г. № 621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сосновского районного суда Челябинской области о проверке конституционности части второй статьи 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», целями, с которыми связано закрепление особого порядка принятия судебного решения в уголовно-процессуальном законодательстве, являются ограничение временных и иных затрат на проведение судебного разбирательства и обеспечение рассмотрения уголовного дела в разумный срок [10].

Полагаем, что обозначенные цели направлены, прежде всего, на защиту интересов публичного характера, связанных с обеспечением процессуальной экономии.

Разумеется, в определенной мере интересы потерпевшего в рамках данной процедуры защищены условием о том, что требуется его согласие на применение упрощенного порядка производства по уголовному делу. Однако чем может быть обусловлено такое согласие, закон не уточняет. Так, профессором А.С. Александровым и его учениками высказывается позиция, что есть основания говорить о таких условиях заключения сделки о признании вины, которые не предусмотрены законом, но о которых могут договориться сами стороны. Например, условием заключения соглашения о признании вины может стать совершение действий, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением [7, с. 50–51].

Рассматривая данную проблему с междисциплинарных позиций, укажем следующее: положительное посткриминальное поведение обвиняемого, с которым определенно связано смягчение наказания, предусмотренное ч. 5 ст. 62 УК РФ, ограничивается выбором наиболее экономной для государства формы судопроизводства. Ни примирения с потерпевшим, ни возмещения причиненного ему преступлением вреда гл. 40 УПК РФ не требует, хотя создает для этого определенные предпосылки.

К такому выводу мы приходим по итогам анализа положений ст. 62 УК РФ. Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, учитываются и влияют на назначаемое наказание в каждом случае, вне зависимости от формы производства по уголовному делу. В такой ситуации к подсудимому применяются одновременно две нормы, регламентирующие назначение наказания и предполагающие его смягчение: предусмотренные ч. 1 и ч. 5 ст. 62 УК РФ.

Применительно к рассматриваемой проблематике положительное поведение в виде примирения с потерпевшим и добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, совершения иных действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, можно рассматривать как факультативные формы посткриминального поведения, предусмотренного гл. 40 УПК РФ. Однако это приводит к выводу о том, что содержание ч.ч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ частично пересекается, поскольку соответствующие нормы стимулируют и поощряют один и тот же вариант позитивного послепреступного поведения лица, только одна норма - прямо, а другая - косвенно. Следовательно, совместное применение правил, содержащихся в ч.ч. 1 и 5 ст. 62 УК РФ, с данных позиций должно рассматриваться как избыточное и недопустимое. Альтернативным вариантом является законодательное урегулирование вопроса о возмещении потерпевшему причиненного преступлением вреда как условия согласия на применение особого порядка принятия судебного решения и его влиянии на возможное смягчение наказания.

В настоящее время можно лишь заключить, что в рамках особого порядка принятия судебного решения разрешение социального конфликта носит сугубо формальный характер, а значит, и утверждение о том, что по данной причине в рамках анализируемого производства действительно отпадает необходимость в реальном состязании сторон перед судом, является спорным.

Отметим также, что, будучи вдохновлен идеями состязательности и диспозитивности, особый порядок принятия судебного решения предполагает реализацию в его рамках и принципа публичности. Как верно указывает О.В. Качалова, «специфику воздействия публичных начал на институт ускоренного производства в самом общем виде можно определить следующим образом: при определенных условиях публичный интерес начинает превалировать над идеей полноценного (в полном объеме, с предоставлением всех процессуальных гарантий и возможностей участникам соответствующих производств) расследования и разрешения уголовных дел» [11].

Развивая данную мысль, можно сказать, что состязательность в крайнем выражении легко переходит в свою противоположность. Жесткая ориентация упрощенного производства на воплощение публичного интереса в виде процессуальной экономии позволяет говорить, что указанная процедура требует ограничения интересов частного характера, прежде всего, такого субъекта, как потерпевший. В свою очередь, гипертрофированное значение признания вины, которое часто отождествляют с согласием с обвинением, в рамках анализируемого производства позволяет вспомнить об инквизиционном процессе и его базовых принципах.

Сходные выводы можно сформулировать и при обращении к процедуре, предусмотренной гл. 40.1 УПК РФ. Она сконструирована как многоцелевая и предполагает помимо основной цели обеспечения содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, также сокращение временных и иных издержек на судебное разбирательство за счет применения упрощенного порядка производства по уголовному делу.

Данная процессуальная форма не предоставляет потерпевшему возможности повлиять решающим образом на выбор процедуры рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Указанная проблема неоднократно обсуждалась в теории. Высказывались доводы как в пользу [12, с. 10–11; 13, с. 58], так и против сложившейся ситуации [14, с. 14; 15, с. 44–45; 15, с. 204]. И они уже в достаточной мере освещены в литературе.

Конституционный Суд РФ в своем определении от 02.11.2011 г. № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации» признал такую ситуацию ограничением прав потерпевшего, но необходимым и соответствующим Конституции РФ [17]. Конституционным Судом РФ в определении от 10.03.2016 г. № 457-О также было указано, что из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты [18].

Противники предоставления потерпевшему права на участие в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обосновывают свою точку зрения также ссылками на практику Европейского суда по правам человека, который исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод не предоставляет права на «личную месть» или на «астіо popularis», о чем говорится, например, в постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99) [19, с. 56—57].

Это действительно так, специфика отельных уголовно-процессуальных процедур, предполагающих, в том числе, разумное ограничение прав по-

терпевшего, определяется законодателем. Однако отметим следующий значимый момент. Как правило, вопрос о согласии потерпевшего на применение гл. 40.1 УПК РФ рассматривается в контексте «требуется ли согласие потерпевшего на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве». Однако есть точка зрения, исходящая из того, что следует разделять дачу согласия потерпевшего на заключение досудебного соглашения и на рассмотрение уголовного дела в упрощенном порядке. Так, С.В. Супрун полагает, что «из содержания ч.ч. 4 и 6 ст. 316 УПК следует, что когда по делу между обвиняемым и прокурором заключено досудебное соглашение, получение согласия потерпевшего на рассмотрение уголовного в особом порядке в подготовительной части судебного разбирательства или при назначении судебного заседания является обязательным» [20, с. 16]. Хотя не все авторы соглашаются с необходимостью условия о получения согласия потерпевшего даже применительно к «классическому» особому порядку судебного разбирательства, предусмотренному гл. 40 УПК РФ [13, с. 13; 22, c. 45].

Вывод, сформулированный С.В. Супруном, не был поддержан также Верховным Судом РФ, что нашло свое отражение в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [22]. Вместе с тем его можно счесть сущностно правильным.

В пользу обозначенной позиции приведем следующий аргумент: поощрительная норма УК РФ, обещающая смягчение наказания, стимулирует подозреваемого, обвиняемого заключать и исполнять досудебное соглашение о сотрудничестве. При этом применение упрощенного порядка производства по уголовному делу на смягчение наказания лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, никак не влияет, что подтверждается п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16.

Получается, что за счет применения процедуры, предусмотренной гл. 40.1 УПК РФ, законодатель стремится не только обеспечить сотрудничество со стороны подозреваемого или обвиняемого, но и процессуальную экономию, не поощряя за это дополнительно подозреваемого или обвиняемого, как это происходит при реализации гл. 40 УПК РФ. Кроме того, допускается существенное ограничение прав потерпевшего.

Данная ситуация представляется не совсем логичной, тогда как в соседних странах есть примеры принципиально иного подхода к решению данного вопроса.

Так, УПК Республики Беларусь предусматривает производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Здесь по-

терпевшему также не предоставляется права влиять на заключение обсуждаемого соглашения, но его интересы обеспечиваются посредством условия о заглаживания вреда, причиненного преступлением. Так, в ч. 4 ст. 468-6 УПК РБ указывается, что «в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших» [23].

В УПК Республики Казахстан процессуальное соглашение о сотрудничестве тоже не гарантирует права потерпевшего, но перед соглашением ставится только одна цель - способствовать изобличению лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления. Так, в ст. 612 УПК РК раскрывается, что «расследование уголовных дел в рамках заключенного процессуального соглашения производится: 1) в форме сделки о признании вины - по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением; 2) в форме соглашения о сотрудничестве - по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений» [24].

Сокращенное дознание. Его реализация, в числе прочих условий, предполагает признание подозреваемым своей вины. Однако, в силу специфики рассматриваемой процедуры, для которой характерно упрощение процессуальной формы производства по уголовному делу как на досудебном, так и судебном этапе, признание уголовного иска в данном случае рассматривается не как обстоятельство, исключающее состязание между сторонами, а как позволяющее снизить планку требований к основаниям уголовного иска, т.е. к обосновывающим его доказательствам.

Положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, здесь можно охарактеризовать как пассивность и неиспользование своих процессуальных прав в сфере доказывания.

Полагаем, что внутренняя противоречивость рассматриваемой процедуры очевидна даже с пози-

ции применения объяснительной модели уголовного иска. В сравнении с данной конструкцией, процессуальная форма обычного особого порядка судебного разбирательства представляется более логичной, поскольку ей предшествует полноценный доказательственный цикл, осуществляемый в стадии предварительного расследования, с итогами которого суд может и должен ознакомиться для цели выявления, например, самооговора подсудимого.

В рамках же процедуры, предусмотренной гл. 32.1 УПК РФ, ни один из доказательственных циклов не является полным, а пределы доказывания сокращаются, в том числе и для суда, еще более усложняя для данного субъекта выполнение его процессуальной функции, предполагающей вынесение законного и справедливого решения по уголовному делу. Соглашаясь с Т.В. Трубниковой, можно сказать, что «современный порядок производства по уголовному делу с дознанием, произведенным в сокращенной форме ...выходит за возможные пределы упрощения уголовного процесса» [25, с. 138].

Обратившись к судебному этапу данной процессуальной формы, можно сказать следующее: здесь предмет и пределы доказывания очерчиваются ч.ч. 2–3 ст. 226.9 УПК РФ, устанавливающими, что приговор применительно к указанной процессуальной форме выносится на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также данных о личности виновного, представляющих собой смягчающие наказание обстоятельства, дополнительно представляемых стороной защиты.

Данная конструкция явно отдает приоритет стороне защиты, поскольку новые доказательства суд вправе принять лишь по ходатайству ее представителей. Но при этом суд связан содержанием обвинительного постановления, подготовленного и утвержденного субъектами, формально относимыми к стороне обвинения, о чем верно было сказано профессором М.К. Свиридовым, указавшим, что в рассматриваемой ситуации «в определении объема доказательств решающим является усмотрение не суда, а дознавателя и утвердившего обвинительное постановление прокурора. Именно они определяют, какие доказательства будет использовать суд, и суд обязан подчиниться. Зависимость в этом вопросе в конечном итоге ограничивает самостоятельность суда в определении круга подлежащих установлению обстоятельств дела» [26, с. 88-89]. То есть можно сказать, что в рассматриваемой ситуации нарушается требование о процессуальном равноправии сторон обвинения и защиты.

Кроме того, вновь следует обратить внимание на недостаточность гарантий защиты прав потерпевшего. Так, профессор О.И. Андреева обоснованно отмечает, что законодатель не предусмотрел в гл. 32.1 форму выражения мнения потерпевшим относительно применения сокращенного дознания. Также автором высказывается позиция, что сокращенное дознание в недостаточной степени защищает права

и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, так как не предусматривает в качестве условия упрощения порядка дознания заглаживания вреда, причиненного преступлением или гарантий этого [27, с. 9].

Подводя итог вышеизложенному, сформулируем следующие выводы:

- 1. Можно сказать, что, являя состязательность в своем крайнем выражении, особый порядок судебного разбирательства и взаимосвязанные с ним процедуры одновременно в крайнем выражении демонстрирует и действие принципа публичности, поскольку слишком жестко ориентированы на достижение цели процессуальной экономии и обеспечение интересов, прежде всего, государства, отодвигая интересы потерпевших и даже общества на второй план.
- 2. Каждая из рассмотренных процедур предполагает признание стороной защиты уголовного иска, однако данное обстоятельство по-разному сказывается на структуре доказывания, осуществляемого в их рамках. В первых двух случаях упрощение процесса доказывания носит достаточно локальный характер и распространяется только на один судебный цикл доказательственной деятельности.

Сокращенное дознание также предполагает признание стороной защиты уголовного иска, но стремление законодателя распространить упрощение процессуальной формы как на досудебный, так и су-

дебный этап просто приводит к снижению требований к основаниям такого иска.

3. Юридическая конструкция упрощенных судебных процедур предполагает сейчас слишком много противоречий, они заметны как при рассмотрении их с позиций проблематики дифференциации уголовного судопроизводства, так и с применением юридической конструкции уголовного иска, с ориентацией на которую создавался особый порядок судебного разбирательства и производные от него процедуры.

В идеале система упрощенных судебных процедур должна строиться на единых основаниях, предполагающих не доминирование начал публичности или состязательности, а их гармонизацию, позволяющую учесть интересы всех сторон социального конфликта, связанного с совершением преступления.

Для достижения данной цели необходимо реализовать в упрощенных процедурах единый стандарт защиты прав потерпевшего как субъекта, выполняющего функцию дополнительного обвинения, а также полномочий суда как субъекта, разрешающего уголовное дело по существу. Кроме того, родственные упрощенные судебные процедуры должны обеспечивать полноценную реализацию в их рамках четко определенных в законе и однозначно толкуемых форм позитивного посткриминального поведения, стимулируемого смягчением наказания, предусмотренным уголовно-правовыми нормами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 209 с.
- 2. Смолин А.Г. Сделка о признании уголовного иска. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 176 с.
- 3. *Александров А.С.* Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52.
- 4. *Сабитов Р.А.* Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 368 с.
- 5. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: монография. М.: Проспект, 2009. 192 с.
- 6. *Александрова И.А. и др.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Н. Новгород: Нижегор. акад. МВД РФ, 2007. 224 с.
- 7. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. 480 с.
- 8. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.
- 9. Определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 г. № 114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 10. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 г. № 621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сосновского районного суда Челябинской области о проверке конституционности части второй статьи 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 11. Качалова О.В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 12. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11.
- 13. *Виницкий Л.В.*, *Мельник С.Л*. Необходимо ли согласие потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве? // Законность. 2012. № 10. С. 55–58.
- 14. Мартыненко Н.Э. Досудебное соглашение о сотрудничестве как средство защиты интересов потерпевшего // Российский следователь. 2011. № 22. С. 13–15.

26 А.В. Боярская

- 15. Быков В.М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 42–46.
- 16. Иванова О.Г. Проблемы совершенствования процессуального положения потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 199–205.
- 17. Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 г. № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 18. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 г. № 457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 19. Супрун С.В. Согласие потерпевшего условие назначения уголовного дела, поступившего в суд с досудебным соглашением, к рассмотрению в особом порядке // Российский судья. 2010. № 9. С. 14–16.
- 20. *Татьянина Л.Г.* «Сделки с правосудием» в России и США: позитивные и негативные аспекты // Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам: Материалы межрегионального науч.-практич. семинара (4 февраля 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 12−15.
- 21. Пиюк А.В. К вопросу об обязательности согласия прокурора и потерпевшего на применение особого порядка разрешения уголовного дела, регламентированного гл. 40 УПК РФ // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 43–46.
- 22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012, 11 июля.
- 23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3 (ред. от 20.04.2016 г.) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. Версия Проф, сетевая. Электрон. дан. М.: АО Консультант Плюс, 1992. Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
- 24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (в ред. от 09.04.2016 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/ Дата обращения: 31.05.2016 г.
- 25. *Трубникова Т.В.* Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С 131–139
- 26. Свиридов М.К. Самостоятельность суда при постановлении приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2. С. 88–95.
- 27. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 5–13.

THE ADVERSARIAL NATURE OF OF THE PARTIES IN SPECIAL PROCEEDINGS (ARTICLE 40 OF THE RUSSIAN FEDERATION CODE OF CRIMINAL PROCEDURE) AND ITS DERIVATIVES

Ugolovnaya yustitsiya – *Russian Journal of Criminal Law*, 2016, 1(7), 21–28. DOI 10.17223/23088451/7/4 *Boyarskaya Aleksandra V.*, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: adversarial principle, special procedure for the case resolution, special proceedings for the plea bargain, abbreviated inquiry.

The article studies the implementation of the adversarial principle in the simplified proceedings of the criminal process in Russia. The author concludes that, striving for the absolute adversarial nature, simplified procedures at the extreme also demonstrate the principle of publicity. The prosecution shows internal contradictions suggesting that the interests of the victim and in some cases of the society as a whole be not fully considered. Showing the extreme adversarial nature, special proceedings and procedures related to it also demonstrate the principle of publicity, because they are too strictly focused on the goal of procedural economy and the interests of the state, while the interests of the and even of the society become subordinate.

Each of the procedures discussed implies the recognition by the defense of the criminal action; however, it has a different effect on the structure of proof carried out within them. In the first two cases, the process of simplification of proof is rather local and covers only one trial cycle of evidentiary activity.

The abbreviated inquiry also involves the recognition of the criminal action by the defense; however, the desire of the legislator to extend the procedure simplification to cover both the pre-trial and trial stages simply reduces the requirements for the reasons of such a claim.

The legal structure of simplified court procedures currently involves too many contradictions that are visible both when viewed in terms of differentiation of criminal proceedings and when the legal structure of the criminal action is used to create a special procedure and its derivatives.

Theoretically, the system of simplified procedures must be based on common grounds that presuppose that the principle of publicity and adversarial principle are in balance, with none of them dominating. It allows taking into account the interests of all parties to the social conflict associated with the committed crime.

To achieve this goal it is necessary that the simplified procedures use a common standard of protecting the rights of the victim as of the subject performing additional accusation function as well as the authority of the court as of the subject resolving the criminal case on the merits. Besides, the related simplified legal procedures should ensure full implementation of clearly defined and unambiguously interpreted positive forms of post-criminal promoted by the mitigation of the punishment under the criminal law.

REFERENCES

- 1. Aleksandrov, A.S. (1997) *Dispozitivnost' v ugolovnom protsesse* [Optionality in criminal proceedings]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute.
- 2. Smolin, A.G. (2005) Sdelka o priznanii ugolovnogo iska [The Plea Bargain]. Saransk: Ogarev Mordovia State University.
- 3. Aleksandrov, A.S. (2003) Osnovanie i usloviya dlya osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred"yavlennym obvineniem [The base and conditions for special procedure for the case resolution when the defendant agrees with the accusation]. *Gosudarstvo i pravo State and Law.* 12. pp. 43-52
- 4. Sabitov, R.A. (2013) *Teoriya ugolovno-pravovogo regulirovaniya povedeniya litsa posle soversheniya im prestupleniya i vyneseniya emu prigovora* [The theory of criminal law regulating the conduct of the person after the commission of a crime and sentencing]. Moscow: Yurlitinform.
- 5. Petrukhin, I.L. (2009) *Opravdatel'nyy prigovor i pravo na reabilitatsiyu* [Acquittal and the right to rehabilitation]. Moscow: Prospekt.
- 6. Aleksandrova, I.A. et al. (2007) *Ugolovno-pravovye i ugolovno-protsessual'nye aspekty sdelki o priznanii ugolovnogo iska* [Criminal and procedural aspects of the plea bargain]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Russian Federation Ministry of Interior.
- 7. Stanovskiy, M.N. (1999) Naznachenie nakazaniya [The purpose of punishment]. St. Petersburg: Yudicheskiy tsentr Press.
- 8. Constitutional Court of the Russian Federation. (2003) Decision № 18-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003, "On the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, and Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens". *Rossiyskaya gazeta*. 23rd December. (In Russian).
- 9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) Resolution № 114-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 18, 2006, "The refusal to accept complaints from citizens Kehman Boris Abramovich and Kehman Alla Iosifovna about the violation of their constitutional rights under Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". [Online] Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=61161. (In Russian).
- 10. Constitutional Court of the Russian Federation. (2007) Resolution № 621-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2007, "The refusal to accept the request of Sosnovsky District Court of Chelyabinsk Region to review the constitutionality of Para.2 Article 315 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". [Online] Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=71812. (In Russian).
- 11. Kachalova, O.V. (1992) Realizatsiya printsipov ugolovno-protsessual'nogo prava pri uskorennykh proizvodstvakh [Implementation of the principles of criminal procedure law in accelerated proceedings]. [Online] Available from: http://base.garant.ru/57331191/.
- 12. Aleksandrov, A.S. & Aleksandrova, I.A. (2009) Soglashenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost' i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchikh v glavu 40.1 UPK RF [The plea bargain: the legal entity and interpretation of the rules included in Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 8. pp. 3-11.
- 13. Vinitskiy, L.V. & Melnik, S.L. (2012) Neobkhodimo li soglasie poterpevshego pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve? [Is it necessary to get the consent of the victim for the plea bargain?]. *Zakonnost'*. 10. pp. 55-58.
- 14. Martynenko, N.E. (2011) Pre-judicial agreement on cooperation as a means of protection of interests of complainant. *Rossiyskiy sledovatel' Russian Investigator*. 22. pp. 13-15. (In Russian).
- 15. Bykov, V.M. (2015) Prava poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [The victims' rights in Russian criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya Russian Justitia*. 7. pp. 42-46.
- 16. Ivanova, O.G. (2015) Problems of improving the procedural position of the victim in criminal proceedings. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12. pp. 199-205. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.199-205
- 17. Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) Resolution 1481-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 2, 2011, "On the complaint of citizens Kovalchuk Vladimir Stepanovich and Kovalchuk Tamara Nikolayevna about the violation of their constitutional rights envisaged by Article 317.6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". [Online] Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW; n=122685. (In Russian).
- 18. Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) Resolution 457-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 3, 2016, "The refusal to accept complaints from citizens Berzhanina Tatiana Anatolievna, Vasilyev Alexei Anatolyevich and Vasilyeva Alevtina Leonidovna about the violation of their constitutional rights envisaged by Article 124, Parts 7 and 8 of Article 246 and Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". [Online] Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=457607. (In Russian).
- 19. Suprun, S.V. (2010) Soglasie poterpevshego uslovie naznacheniya ugolovnogo dela, postupivshego v sud s dosudebnym soglasheniem, k rassmotreniyu v osobom poryadke [Consent of the victim as a condition of appointment of criminal case, received by the court with pre-judicial agreement, to consideration in special procedure]. *Rossiyskiy sud'ya Russian Judge*. 9. pp. 14-16.
- 20. Tatyanina, L.G. (2010) Plea bargaining in Russia and the United States: Positive and negative aspects. *Problemy primeneniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve po ugolovnym delam* [Problems of plea bargaining in criminal cases]. Proc. of the Internation Research Seminar. Izhevsk. 4th February 2010. Izhevsk. pp. 12-15. (In Russian).
- 21. Piyuk, A.V. (2015) On the mandatory consent of the prosecutor and the victim to use a special procedure for resolution of the criminal case under Ch. 40 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure]. *Ugolovnaya yustitsiya Russian Journal of Criminal Law.* 2. pp. 43-46. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/6/8

28 А.В. Боярская

- 22. Supreme Court of the Russian Federation. (2012) Resolution 16 of the Plenum of the Supreme Court of June 28, 2012, "On using the special procedure for criminal cases by courts of special order in case of plea bargaining". *Rossiyskaya gazeta*. 11th July. (In Russian).
- 23. Belarus. (n.d.) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Respubliki Belarus' ot 16.07.1999 g. № 295-Z (red. ot 20.04.2016 g.)* [The Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus of July 16, 1999, № 295-W (as amended on April 20, 2016)]. [Online] Available from: http://laws.newsby.org/documents/kodeks/kod19/page21.htm.
- 24. Kazakhstan. (n.d.) Ugolovno-protsessual nyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V (v red. ot 09.04.2016 g.) [The Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 № 231-V (edited as of April 9, 2016.)]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz. (Accessed: 31st May 2016).
- 25. Trubnikova, T.V. (2015) Limitations to criminal procedure simplification. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12. pp. 131-139. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139
- 26. Sviridov, M.K. (2014) Autonomy of courts in sentencing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo Tomsk State University Journal of Law.* 2(12). pp. 88-95. (In Russian).
- 27. Andreeva, O.I. (2014) The problems of an abbreviated inquiry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo Tomsk State University Journal of Law.* 4(14), pp. 5-13. (In Russian).